

Историческая политика местных сообществ Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в формировании общенациональной и региональной идентичности

The historical policy of local communities of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Ugra in the formation of national and regional identity

DOI: 10.12737/2587-6295-2026-10-2-80-91

УДК 32.019.51: 321.022

Получено: 23.04.2026

Одобрено: 24.05.2026

Опубликовано: 25.06.2026

Мартынов М.Ю.

Д-р полит. наук, доцент, профессор кафедры политологии и философии, БУ ВО Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Сургутский государственный университет», Ханты-Мансийский - Югра автономный округ, г. Сургут
e-mail: martinov.mu@gmail.com

Martynov M.Yu.

Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Political Science and Philosophy, Surgut State University, Khanty-Mansiysk - Yugra Autonomous Okrug, Surgut
e-mail: martinov.mu@gmail.com

Пуртова В.С.

Старший преподаватель кафедры политологии и философии, БУ ВО Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Сургутский государственный университет», Ханты-Мансийский - Югра автономный округ, г. Сургут
e-mail: viktoriya-purtova@yandex.ru

Purtova V.S.

Senior Lecturer, Department of Political Science and Philosophy, Surgut State University, Khanty-Mansiysk - Yugra Autonomous Okrug, Surgut
e-mail: viktoriya-purtova@yandex.ru

Аннотация

Целью настоящей работы является экспертная оценка исторической политики и политики идентичности в местных сообществах Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Предложено разграничение двух уровней региональной идентичности: территориально-географического (дополнительного) и политического, связанного с солидарными гражданскими связями. Нормативно-эмпирическую базу составили правовые акты и отчёты о мероприятиях четырёх муниципалитетов – Урая, Мегиона, Сургута и Сургутского района. С помощью метода контент-анализа проанализировано 135 мероприятий. Выводы по результатам контент-анализа были дополнены данными опроса экспертов. Они должны были оценить степень

сформированности региональной идентичности на основе солидарных гражданских связей, а также назвать факторы, способствующие или препятствующие формированию общенациональной и региональной идентичности. Кроме того, особенности коллективных представлений о прошлом, формируемые, в том числе, исторической политикой, исследовались методом углубленного интервьюирования. Авторы приходят к выводу, что муниципальная историческая политика в регионе характеризуется латентным характером, доминированием федерального дискурса, структурным дисбалансом содержания и недостаточным вовлечением институтов гражданского общества. Общенациональная и региональная идентичность югорчан устойчивы благодаря психологии фронта. Миграционные процессы не разрушают идентичность. Когнитивно-мнемонический диссонанс между официальными нарративами и семейной памятью порождает недоверие к официальной исторической политике.

Ключевые слова: историческая политика, политика памяти, региональная идентичность, гражданская идентичность, местные сообщества, межэтническое согласие.

Abstract

The article analyzes historical policy in local communities in the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug–Ugra. A distinction is made between two levels of regional identity: territorial-geographical (pre-political) and political, which is associated with civic solidarity. The empirical base consisted of regulations and event reports from four municipalities – Uray, Megion, Surgut, and the Surgut District. Method of content analysis was applied to examine 135 events. Conclusions on the results of content analysis were supplemented with data from an expert survey. They had to assess the degree of formation of regional identity based on solidarity civic ties, as well as name the factors that contribute to or impede the formation of national and regional identity. Features of collective ideas about the past, formed, among other things, by historical policy, were investigated by the method of in-depth interviewing. Authors come to the conclusion that municipal historical policy in the region is characterized by a latent nature, the dominance of federal discourse, a structural imbalance in content, and insufficient engagement of civil society institutions. The national and regional identities of Ugra residents are stable thanks to a frontier mentality. Migration processes do not destroy this identity. The cognitive-mnemonic dissonance between official narratives and family memory breeds mistrust of official historical policy.

Keywords: historical politics, memory politics, regional identity, national identity, local communities, interethnic consent.

Введение

Формирование гражданской и региональной идентичности выступает одной из ключевых задач современной российской государственной политики. «Для успешного – решения задач, которые стоят сегодня перед нашей страной, – отмечал президент В.В. Путин, – важна не только эффективная экономика и компетентное управление, для огромной многонациональной России принципиальное, решающее... значение имеет солидарность людей, чувство сопричастности к судьбе Отечества, ответственности за его настоящее и за будущее... что принято называть общероссийской идентичностью, гражданским самосознанием»¹.

Важнейшим направлением формирования идентичности является обращение к исторической памяти [9]. Поэтому историческая политика, понимаемая как целенаправленная деятельность политических акторов по формированию коллективной исторической памяти и идентичности, становится инструментом государственного строительства. Причем эта

¹ Об укреплении общероссийской гражданской идентичности говорил президент на Совете по межнациональным отношениям. Интернет-портал «Первый канал». [Электронный ресурс]. URL: https://www.1tv.ru/news/2021-03-30/404016-ob_ukreplenii_obscherossiyskoy_grazhdanskoy_identichnosti (дата обращения: 20.03.2026).

деятельность осуществляется акторами не только на национальном, но и на региональном, и на муниципальном уровнях.

Обзор научной литературы

В отечественной политической науке проблематика исторической политики в работах таких авторов как О.Ю. Малинова [3], А.И. Миллер [4], О.Ф. Русакова [7], В.А. Тишков [2], Л.А. Фадеева [6; 10] и ряда других рассматривается в контексте символической политики.

Связь между исторической политикой и идентичностью носит фундаментальный характер. Как отмечал Б. Андерсон, нации являются «воображаемыми сообществами», объединенными, среди прочего, представлениями об общей истории [1]. Историческая память выступает символическим ресурсом, через который индивиды и группы осмысливают свою принадлежность к более широкой общности.

В российском контексте актуален вопрос о соотношении общегражданской и региональной идентичностей. Однако если гносеологический смысл понятия «общенациональная идентичность», описанный в качестве политологического термина в коннотациях макрополитической идентичности, относительно ясен, то понятие «региональная идентичность» (равно как и «локальная идентичность») нуждается в концептуализации. Ее идентификационными признаками зачастую называются не ощущение или осознание гражданами своей общности с другими людьми, а природные, ландшафтные или культурно-исторические объекты, «привязанные» к территории. Региональная идентичность (и локальная идентичности) трактуется в этом случае как отождествление гражданина с региональным пространством, «малой родиной» [11], «землей» [8] и пр. В результате в символических практиках региональных и местных органов власти региональная и локальная идентичности часто отождествляются с брендингом территории [5].

Конечно, может настораживать, что чрезмерная политизация региональной идентичности способна нести конфликтогенный потенциал [12], но подмена социальных и политических, по своей сути, отношений между людьми на «безобидное» отношение к расположенным на территории объектам природы или артефактам культуры ограничивает эвристические возможности концепта.

Возможно, следует говорить о двух уровнях развития региональной идентичности. На первом – начальном – человек, действительно, может идентифицировать по признаку проживания на определенной территории, используя в качестве идентификационных символов те или иные природные или искусственно созданные объекты. Такая идентичность, назовем ее территориально-географической, носит дополитический характер. Второй – политический – уровень региональной идентичности связан с формированием солидарных связей и готовности к коммунитарным практикам. Опираясь на определение политической идентичности как политического отношения, предложенное И.С. Семененко [9], концептуализируем такую региональную идентичность как возникающее в ходе коммуникативного процесса отождествление человека с местным политическим сообществом на основе общего комплекса идейно-политических ориентаций, включающих осознание коллективных интересов и готовность к солидарным действиям.

Объектом исследования выступала историческая политика в местных сообществах на муниципальном уровне в Ханты-Мансийском автономном округе-Югре. Автономный округ представляет особый интерес для исследования роли исторической политики в формировании общенациональной и региональной идентичности. Будучи одним из ключевых нефтегазовых регионов России, он характеризуется высокой степенью национально-культурного разнообразия, активными миграционными процессами, присутствием коренных малочисленных народов Севера и относительной «молодостью» большинства населенных пунктов.

Методы

При выборе территорий для исследования учитывался высокий уровень урбанизации в регионе, проживание основной части населения в малых и средних городах. Существенное влияние на идентификационные процессы оказали также особенности индустриального освоения и формирования современного каркаса социально-экономических отношений, сопровождавшихся подавлением укладов, связанных с доиндустриальными формами расселения². В результате в сельских поселениях оказались нарушены традиционные механизмы сохранения и передачи исторической памяти, и протекающие сегодня в них процессы почти лишены отличающейся от городской идентификационной специфики. Кроме того, принимались во внимание зональные различия в социально-экономическом развитии.

Соответственно, в качестве территорий исследования были выбраны муниципальные образования в малых городах (Урай, Мегион с населением 40-50 тыс. чел.), большой город (Сургут с населением более 420 тыс. чел.), сельский район (Сургутский район), представляющие три социально-экономические зоны автономного округа: западную (г. Урай), центральную (г. Сургут и г. Сургутский район) и восточную (г. Мегион). Выборка территорий, обеспечивала включение в исследование муниципалитетов, различающихся размером, историей формирования, экономической специализацией и этнокультурным составом населения.

В качестве ключевого метода исследования выступал контент-анализ нормативно-правовых актов муниципальных образований. Источниками являлись документы, регулирующие внутреннюю политику в сфере формирования идентичности и межнационального согласия, а также – официальные отчеты муниципальных образований о проведенных мероприятиях, с точки зрения их структуры, смыслового наполнения и количественного охвата граждан.

Выводы по результатам контент-анализа были дополнены данными опроса экспертов. В опросе в форме структурированного интервью приняли участие 16 экспертов, в числе которых были 8 муниципальных чиновников, в сферу деятельности которых включены задачи внутренней политики, 6 членов НКО, осуществляющих проекты в сфере межнациональных отношений и политики идентичности, а также 2 руководителя муниципальных учреждений. Эксперты должны были оценить степень сформированности региональной идентичности на основе солидарных гражданских связей, а также назвать факторы, способствующие или препятствующие формированию общенациональной и региональной идентичности.

Особенности коллективных представлений о прошлом, формируемые, в том числе, исторической политикой, исследовались методом углубленного интервьюирования. Всего было взято 64 интервью с жителями четырех указанных выше муниципалитетов. Из них 28 опрошенных были в возрасте 18-24 лет, в возрасте 25-30 лет – 26 чел., 31 год-50 лет – 6 чел., старше 50 лет – 4 чел. Большинство – 42 респондента составили женщины. Из числа интервьюируемых 13 респондентов представляли группу граждан, относительно недавно (менее 5 лет назад) приехавших в автономный округ на постоянное место жительства. Интервьюируемые должны были описать как видятся узловые события истории через призму семейных воспоминаний, а также свои представления о прошлом, которые можно было бы интерпретировать как ценностную основу формирования коллективной идентичности в настоящем средствами исторической политики.

² О Стратегии социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры до 2020 года и на период до 2030 года. Единый официальный сайт государственных органов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. [Электронный ресурс]. URL: <https://admhmao.ru/documents/pravovye-akty/npa/292979/> (дата обращения: 20.03.2026).

Результаты анализа

В числе муниципалитетов со средним уровнем сформированной региональной идентичности, эксперты указали города Сургут и Урай, к уровню ниже среднего отнесен Сургутский район, а г. Мегион был отмечен в числе территорий с низким уровнем идентичности и солидарности.

Историческая политика во всех четырех местных сообществах имеет структурное и содержательное сходство. Доминирующим актором этой политики во всех случаях выступают муниципальные органы власти. Общей чертой является также включение исторической политики в процессы внутренней политики муниципалитетов с последующей институализацией в профильных муниципальных программах, планах мероприятий по патриотическому воспитанию и профилактике межнациональной конфликтности, подразумевающих использование инструментов исторической политики, деятельности межведомственных и общественных советов.

В то же время, контент-анализ нормативных и правовых документов исследуемых муниципалитетов показал и общие проблемы в планировании и реализации исторической политики. Использование ее смыслов, хотя и подразумеваются в реализации исторической политики муниципалитетов, однако носит неявный, латентный характер. Так, понятия «историческая политика», «политика памяти» вообще отсутствуют в программных документах и лишь эпизодически появляются в отчетных. То есть на уровне местных сообществ историческая политика не концептуализирована как самостоятельное идеологическое направление внутриполитической деятельности. Аналогичным образом не применяется ни в одном из проанализированных документов концепт «региональная идентичность».

Основными концептами, используемыми в текстах документов, выступают «общероссийская гражданская идентичность» и «межнациональное согласие». Частота упоминаний концепта «общероссийская гражданская идентичность» варьируется от 6 раз в документах г. Урая и Сургутского района, до 25 раз в документах Сургута, а частота упоминаний концепта «межнациональное согласие» варьируется от 14 до 34 раз.

Мероприятия, объективно способствующие формированию региональной идентичности (например, сохранение традиций коренных народов, краеведческая работа), не описываются в терминах региональной идентичности. Они включаются в рубрики «межнациональное согласие» или «сохранение культурного наследия», но не связываются с задачей формирования представления о региональной общности. Единственный компонент, получивший развитие, – это работа с культурой коренных народов, и то лишь в Сургутском районе (17% мероприятий). Однако эта работа изолирована, не интегрирована в более широкий региональный контент. В других муниципалитетах тема коренных народов присутствует лишь эпизодически (3-8% мероприятий).

Анализ 135 мероприятий, проведенных в четырех муниципалитетах, позволяет выделить основной репертуар форм исторической политики. Доминируют массовые мероприятия и праздники (35-40% от всех форм): празднование Дня Победы, Дня народного единства, национальных праздников. Эти мероприятия обеспечивают широкий охват населения и создают коллективный опыт коммеморации. Однако они часто носят ритуализованный характер, воспроизводя устоявшиеся сценарии без глубокого содержательного наполнения.

Вторая по значимости группа форм – образовательные мероприятия (30-35%), включающие уроки истории, классные часы, конкурсы, олимпиады. Это сильная сторона исторической политики Урая (42% мероприятий) и Мегиона (39%), где образовательные учреждения являются основными акторами.

Одним из ключевых институтов исторической политики являются музеи. Однако из четырех муниципалитетов в отчетных документах лишь Сургутского района упоминается активная деятельность краеведческого музея имени А.П. Ядрошникова.

Ощутимым пробелом является слабое вовлечение институтов гражданского общества. Некоммерческие организации, ветеранские объединения, национально-культурные автономии организуют лишь 5-10% мероприятий в Урае, Мегионе и Сургутском районе. Единственное исключение, согласно отчетам, – Сургут, где национальные диаспоры организуют 16% мероприятий и выступают получателями грантов на реализацию проектов в сфере межнационального согласия.

Тематический анализ мероприятий, направленных на формирование гражданской идентичности, выявляет два доминирующих направления: патриотическое воспитание и укрепление межнационального согласия. Первое направление преобладает в Урае (42% мероприятий) и Мегионе (39%), второе – в Сургуте (60%) и Сургутском районе (43%). Такое распределение отражает различие приоритетов: в относительно гомогенных по национальному составу Урае и Мегионе акцент делается на формировании патриотизма и любви к Отечеству, в то время как в многонациональных Сургуте и Сургутском районе (с присутствием коренных народов) приоритетом становится обеспечение межнационального согласия и культурного диалога. Компонент патриотизма реализуется наиболее успешно в Урае (42% мероприятий) и Мегионе (39%).

В исторической политике доминирует военно-патриотическое направление. Подавляющее большинство мероприятий (70-80%) сосредоточено на двух периодах: Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. (40-50% мероприятий) и современности, включая специальную военную операцию (15-20%). Великой Отечественной войне посвящены празднование Дня Победы, акция «Бессмертный полк», уроки мужества, встречи с ветеранами, конкурсы военно-патриотической направленности, исторические квесты. В Мегионе (16% мероприятий) реализуется инновационный проект «Память жива» по сбору видеопортретов с ветеранами Великой Отечественной войны и тружениками тыла. Этот проект создает цифровой архив устных историй, который может служить ресурсом для будущих поколений.

При этом из поля внимания исторической политики выпадают целые исторические периоды. Так события 1917-1941 и 1945-1991 гг. присутствуют менее чем в 3% мероприятий. Не включены к контекст исторической политики события, связанные с русскими революциями и гражданской войной, с индустриализацией, коллективизацией, послевоенным восстановлением, с периодом «Перестройки». Эти темы весьма чувствительны, но они составляют основное содержание не только отечественной, но и региональной истории. Между тем и региональным аспектам, в частности, событиям, происходившим на территории самих муниципалитетов, вроде Казымского восстания, или истории поселков спецпереселенцев, также не нашлось места в местной исторической политике. Возможно, эти исторические события сложно использовать в процессах формирования идентичности. Но почему тогда остаются вне поля зрения достижения советской науки и культуры?

Парадоксально что и тема нефтегазового освоения 1960-1980-х годов также не стала инструментом исторической политики. Между тем эта эпоха является ключевой для формирования современного облика муниципалитетов: именно тогда были открыты месторождения, сформировались трудовые коллективы, возникали, росли, получали статус городов населенные пункты.

Помимо этих сходных контекстов исторической политики в исследованных муниципальных образованиях сделан вывод и о существующих различиях.

Объясняя относительно высокий уровень сформированности общенациональной и региональной идентичности в г. Сургуте, эксперты отметили концентрацию институтов культуры, образования и науки, характерную для него как для крупного промышленного центра, а также насыщенность исторического пространства крупного города «местами памяти». Актуализация исторического материала в соответствующие мифологемы требует соответствующей идеологической работы, и эксперты справедливо указали на возможности,

предоставляемые для этого концентрацией институтов крупного города, которые образуют инфраструктуру учреждений исторической политики и ее кадры – «социальную элиту», по выражению Я. Ассмана.

Существенно влияет на историческую политику в Сургуте наличие в числе старожильческого населения значительной доли людей, участвовавших в строительстве города и развитии нефтегазовых предприятий в советский период, мнение которых значимо и для жителей, и для властей города. Воспоминания о трудностях и романтике комсомольской юности, высокая оценка участия государства в освоении нефтегазовых месторождений живет в коммуникативной памяти, задавая позитивное восприятие того периода, что нашло отражение, например, в топонимике, в сохранении названий улиц, носящих имена политических деятелей революции и советской эпохи, в мемориальной политике, в сохранении памятников комсомольцам – строителям города.

Если обратиться к уровню сформированности идентичности в Сургутском районе, которую эксперты отметили, как «ниже среднего», то к условиям ее складывания они отнесли наиболее высокую в округе динамику миграционной активности, значительный приток приезжающих из постсоветских стран Средней Азии, а также из числа народов Кавказа. Вкупе со слабой старожильческой прослойкой это создает определенные сложности для политики идентичности. Действительно, большинство населенных пунктов района формировались в годы поздней советской индустриализации, и не имеют глубокой исторической традиции, способной стать основой культурной или коммуникативной памяти. Следует также учитывать существование и субкультуры «вахтовиков», «разбавляющих» идентификационную мозаику территории негативистскими установками «временщиков», приходящими в идеологическое противостояние с ценностными ориентациями тех, кто ориентирован на длительное проживание в городе и составляет ядро формирования региональной идентичности.

В этих непростых обстоятельствах в рамках внутренней политики Сургутского района, тем не менее, были выработаны вполне эффективные нарративы использования исторического прошлого в идентификационных процессах. Так, не имея возможности выстроить нарратив на преемственности поколений, политика идентичности обратилась к мифологеме первопроходцев, основу которой составляет гордость за героическое освоение недр Западной Сибири, продолжателями дела которых выступают люди, населяющие сегодня эту территорию.

Иллюстрацией является, например, историческая политика в г. Лянтор. Это бывший рабочий поселок Лянторский, возникший в 1967 г. и получивший городской статус сравнительно недавно – в 1992 г.

В топонимике города прослеживается стремление сохранить в исторической памяти людей земляков-первопроходцев, прославивших город своим трудом. Одна из улиц получила имя М.Б. Назаргалиева, ставшего первооткрывателем Лянторского нефтяного месторождения. Также в городе существует парк культуры и отдыха по ул. Набережной, которому присвоено имя почетного нефтяника А. Белоножкина. Эти же нарративы отражаются в смыслах многочисленных «мест памяти» в городской среде.

Еще более любопытна мифологема, обращенная к традициям коренных малочисленных народов Севера. Сургутский район, как уже отмечалось, многонационален, и обеспечение межнационального согласия выступает целями ряда муниципальных программ. Однако ни в пояснительных записках, ни в мероприятиях этих программ не прослеживается обращения к исторической памяти. Это вполне объяснимо, ведь основная часть населения прибыла сюда относительно недавно, и коллективные представления о прошлом не имеют необходимой глубины. И здесь произошла своеобразная «идентификационная аберрация»: встретившиеся на одной территории носители разных этнических групп пошли по пути принятия в качестве общей истории как основы идентификации историю и культуру относительно немногочисленного, но издревле проживающего на этой земле, народа ханты. Лейтмотивом мнений экспертов об

особенностях исторической политики в Сургутском районе можно посчитать суждение одного из них: *«Политика, направленная на сохранение традиций этих народов, укрепляет и региональную идентичность»*.

Судя по отчетам, до половины мероприятий, проводимых в учреждениях культуры района, так или иначе включают связанные с этим нарративы. В районе функционирует большое число общественных организаций, целью деятельности которых выступает сохранение культуры и языка этого народа. На формирование региональной идентичности через сохранение традиций ханты нацелено проведение национальных праздников.

Коммеморация памяти о Великой Отечественной войне также включает обращение к истории коренного народа. Так в честь погибших на войне восемнадцати воинов из числа народа ханты в г. Лянтор установлена стела.

Несмотря на то, что города Урай и Мегион экспертами были отнесены к разным категориям по степени сформированности региональной идентичности, коммеморативные политики Урая и Мегиона обнаруживают принципиальное структурное сходство. В обоих случаях смысловым ядром городской идентичности выступает мифологема нефтяного освоения Западной Сибири. Оба города возникли как посёлки при промыслах в советский период, оба лишены глубокой исторической традиции, предшествующей нефтяному нарративу, и оба компенсируют эту лакуну через последовательное выстраивание символического пространства, центрированного вокруг конкретного датированного события-первоисточника. В случае Урая – это фонтан первой западносибирской нефти из скважины №6 (1960 г.), а в случае Мегиона – первый нефтяной фонтан Среднего Приобья из скважины №1 (1961 г.) и открытие Самотлорского месторождения (1965 г.). Экономика моногородов определяет социально-демографическую и профессиональную структуру населения. Ее основу составляет слой «производственников-нефтяников». Ограниченность выбора вариантов трудовой деятельности приводит к тому, что идентификация по профессиональной деятельности тесно сращена с корпоративной культурой градообразующего предприятия, нередко превалируя над другими видами идентичности.

Различается и характер героизации в производственном нарративе. Урайская модель выстраивает чёткую именную иерархию: её центральной фигурой является буровой мастер С.Н. Урусов, которому посвящены бюст на Аллее Трудовой Славы и многочисленные упоминания в городском пространстве. Мегионский нарратив рассредоточен: имена Ф. Салманова, В. Абазарова и других первооткрывателей фигурируют в историческом дискурсе, однако единственного персонализированного «героя» городского пространства не складывается – акцент смещён к коллективному образу первопроходца, воплощённому в монументе трём профессиям (нефтяник, геолог, строитель).

В качестве метода изучения неформального дискурса исторической политики в местных сообществах использовалось углубленное интервьюирование. Особый интерес представляли результаты опроса респондентов, приехавших в автономный округ из других регионов, представляющих сравнительно недавно (менее 5 лет назад). Судя по результатам интервью, опасения экспертов, будто миграционный приток «размывает» коллективные представления о прошлом, ослабляет идентичность, выглядят несколько преувеличенными. На самом деле, большинство опрошенных в ходе интервью респондентов, демонстрировали интерес и уважение к местной истории. Возможно, ценности идентичности и солидарности для них выглядят даже более значимыми, по сравнению с давно проживающими здесь гражданами, поскольку сами они на месте прежнего своего пребывания не раз были свидетелями негативных последствий межнациональных столкновений и этнических конфликтов.

Одна из наших респондентов (родом из Азербайджана) рассказала историю своей родственницы Хураман Аббасовой, которая в 1960-1980-х гг. была председателем колхоза Агдамского районного сельхозуправления, депутатом Совета Народных депутатов Азербайджанской ССР и Верховного Совета СССР. Ей было присвоено звание Героя

Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и золотой медали «Серп и Молот». Хураман Аббасова стала героем документального фильма режиссёра В. Бабаева на студии «Азербайджантелефильм» и стихотворения советского поэта Евгения Евтушенко «Платок» после своего поступка в период карабахского конфликта конца 1980-х гг. Во время одного из столкновений Х. Аббасова бросила свой платок между конфликтующими сторонами и остановила кровопролитие (брошенный платок, по обычаю, останавливал конфликт). *«Я бы хотела, чтобы нигде и никогда не было больше межнациональной розни»,* – сказала респондентка, и добавила: *«Все мы, несмотря на различные национальности, являемся жителями одного города – лянторцами».*

«Ощущаю этот город своим домом больше, чем то место, где родилась. Культура, природа, даже люди этого региона в корне отличаются от тех, которые были в моих родных местах. Тем не менее, он стал мне близок, стал предметом моей гордости» – отмечает респондентка, для которой переезд в Сургут выпал на подростковый возраст.

Следует отметить смысловые различия между официальным нарративом и дискурсивными практиками массового сознания, в том числе, относящимся к событиям Отечественной войны. Если официальная трактовка делает акцент на концептах героизма и победы, то в массовом сознании в большей мере превалирует горечь от страданий и гибели людей, в том числе близких. *«Мой дед, был моряком, – говорит респондент, – и с ним связана самая большая семейная боль: он пропал без вести. Тело не нашли, могилы нет. Бабушка до конца дней ждала и надеялась. Эта история не про подвиг, а про бесконечную, тихую тоску и неопределённость. Она не закончилась в 1945-м, она длится до сих пор»,* – говорит респондент.

Кроме того, существуют проблемы с использованием исторической политикой других сюжетов отечественной истории. Так, почти треть респондентов не смогла составить устойчивого мнения о ряде предшествовавших периодов отечественной истории. Единственной эпохой, вызывавшей у подавляющего большинства опрошенных позитивные оценки, оказалась советская, а наиболее негативно оцениваемыми стали периоды правления М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина.

Выводы

1. На уровне местных сообществ историческая политика институализирована в рамках внутренней политики муниципалитетов, в профильных муниципальных программах, планах мероприятий по патриотическому воспитанию и профилактике межнациональной конфликтности, подразумевающих использование инструментов исторической политики, деятельности межведомственных и общественных советов. В то же время, будучи имплицитно включенной в дискурс политики идентичности, историческая политика не концептуализирована как самостоятельное идеологическое направление внутриполитической деятельности, связанной с формированием общенациональной и региональной идентичностей. В результате компоненты единства исторической судьбы и гражданской солидарности артикулируются слабо. Массовые мероприятия, такие как празднование Дня России или Дня народного единства, создают коллективный опыт участия, формируют чувство общности. Однако эти мероприятия часто носят ритуализованный, формальный характер. Кроме Дня народного единства идея о совместном преодолении исторических вызовов никак не позиционируется.

2. В массовом сознании югорчан общенациональная и региональная идентичность носят вполне устойчивый характер. Этому способствовала в немалой степени сложившаяся в ходе освоения Севера, не только в географическом, но, что важнее, в культурологическом смысле психология жителей фронта. Она явилась триггером ускоренного формирования и быстрого закрепления в традициях государственной идентичности, как основы консолидации. Другим фактором, ускорившим формирование региональной идентичности, выступало противопоставление жителями Югры своей территории Югу Тюменской области,

имевшее место в 1990-2000-е гг. в период борьбы автономного округа за обретение собственной субъектности в рамках так называемой «тюменской матрешки». Также общим условием формирования идентичности региона выступает многонациональный состав и высокая миграционная динамика.

К факторам, способствующим использованию исторической политики в процессах формирования идентичности, следует отнести концентрацию институтов культуры, образования, науки, насыщенность пространства населенного пункта «местами памяти», наличие «старожильческого» населения.

3. Социально-экономическое и демографическое различие территорий региона порождают разнообразие идентификационных механизмов, используемых местными сообществами. Таких, например, как мифологеме первопроходцев или «идентификационная аберрация», связанная с принятием современным мультикультурным этническим составом в качестве общей истории как основы идентификации историю и культуру относительно немногочисленного, но издревле проживающего на этой земле коренного народа.

4. Миграционные процессы влияют на идентификационные процессы в регионе, но не носят разрушительного характера. Значительная доля мигрантов ориентирована на формирование политической общности с коренным населением, идентификацию с местным сообществом, демонстрирует интерес и уважение к местной истории.

5. Существуют проблема относительной бедности нарративов, используемых исторической политикой. Лакуны может порождать стигматизация той или иной исторической эпохи, например, революционной, или инспирирование на материалах постреволюционного периода в коллективных представлениях парадигмы вины за прошлое, или девальвирование достижений эпохи, как это имеет место в отношении к советскому периоду, или просто игнорирование неудобных нарративов, как это происходит с ельцинским временем. Все это приводит к обеднению нарративов, формирующих коллективные представления о прошлом. Кроме того, возникающий когнитивно-мнемонический диссонанс с представлениями, сохраняющимися в семейной памяти, порождает ситуацию недоверия к содержательной стороне официальной исторической политики.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 25-28-20086, <https://rscf.ru/project/25-28-20086/> «Историческая политика местных сообществ и формирование региональной и общенациональной идентичности»).

Financial support

The study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation (Project No. 24-28-01345, <https://rscf.ru/project/24-28-01345/> Historical Policy of Local Communities and the Formation of Regional and National Identity).

Литература

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. - М.: Кучково поле, 2016. - 416 с.
2. Историческая память и российская идентичность. / Под. ред. В.А. Тишкова, Е.А. Пивневой. - М.: РАН, 2018. - 508 с.
3. Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. - М.: Политическая энциклопедия, 2015. - 207 с.
4. Миллер А.И. Историческая политика в России: новый поворот? // Историческая политика в XXI веке. - М.: Новое литературное обозрение, 2012. - С. 328-367.
5. Назукина М.В. Бренд как ресурс развития регионов в дискурсе будущего депутатов Государственной думы РФ // Южно-российский журнал социальных наук. - 2023. - № 24 (2). - С. 6-20. DOI: <https://doi.org/10.31429/26190567-24-2-6-20>.
6. Политика идентичности: понятия, смыслы, практики: учебное пособие / Отв. ред. Фадеева Л.А. - Пермь: ИЦ «Титул», ФГБОУ ВО «ПГНИУ», 2023. - 216 с.
7. Русакова О.Ф. Дискурс исторической политики в контексте национальной безопасности // Дискурс-Пи. 2013. - № 1-2 (11-12). - С. 187-190.
8. Селезнева А.В., Хугаев З.Т. Ценностные основания политической идентичности в региональном, национальном и цивилизационном измерениях: концептуальное осмысление и российский контекст // Социум и власть. - 2024. - № 4 (102). - С. 80-91. DOI: <https://doi.org/10.22394/1996-0522-2024-4-80-91>.
9. Семененко И.С., Лапкин В.В., Бардин А.Л., Пантин В.И. Между государством и нацией: дилеммы политики идентичности на постсоветском пространстве // Полис. Политические исследования. - 2017. - № 5. - С. 54-78. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.05.05>.
10. Фадеева Л.А. Секьюритизация политики памяти и идентичности в арсенале политиков и аналитиков // Известия АлтГУ. - 2020. - № 6 (116). - С. 73-76. DOI: [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2020\)6-12](https://doi.org/10.14258/izvasu(2020)6-12).
11. Цветкова О.В. Региональная идентичность как фактор формирования культурно-исторической и социально-территориальной общности // Вестник Томского государственного университета. История. - 2021. - № 74. - С. 170-175. DOI: <https://doi.org/10.17223/19988613/74/21>.
12. Kabir N.A. Identity politics in India: Gujarat and Delhi riots. Journal of Muslim Minority Affairs. - 2020. - № 40 (3). - С. 395-409. DOI: <https://doi.org/10.1080/13602004.2020.1813990>.

References

1. Anderson B. Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostranenii natsionalizma [Imagined communities: reflections on the origin and spread of nationalism]. Moscow: Kuchkovo pole Publ., 2016, 416 p. (In Russian).
2. Istoricheskaya pamyat' i rossiyskaya identichnost' [Historical memory and Russian identity] / ed. by V.A. Tishkov, E.A. Pivneva. Moscow: RAN Publ., 2018, 508 p. (In Russian.)
3. Malinova O.Yu. Aktual'noe proshloe: simvolicheskaya politika vlastvuyushchey elity i dilemmy rossiyskoy identichnosti [The relevant past: symbolic politics of the ruling elite and the dilemmas of Russian identity]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2015, 207 p. (In Russian).
4. Miller A.I. Istoricheskaya politika v Rossii: novyy povorot? [Historical policy in Russia: a new turn?]. In: Miller A.I., Efremenko D.V., eds. Historical policy in the 21st century. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2012. pp. 328–367. (In Russian).
5. Nazukina M.V. Brend kak resurs razvitiya regionov v diskurse budushchego deputatov Gosudarstvennoy dumy RF [Brand as a resource of regional development in the future discourse of Russian state дума deputies]. Yuzhno-rossiyskiy zhurnal sotsial'nykh nauk [South-Russian Journal

- of Social Sciences]. 2023, I. 24 (2), pp. 6–20. DOI: <https://doi.org/10.31429/26190567-24-2-6-20>. (In Russian).
6. Politika identichnosti: ponyatiya, smysly, praktiki: uchebnoe posobie [Identity politics: concepts, meanings, practices: textbook]. Ed. by L.A. Fadeeva. Perm': ITs «Titul», FGBOU VO «PGNIU» Publ., 2023, 216 p. (In Russian).
 7. Rusakova O.F. Diskurs istoricheskoy politiki v kontekste natsional'noy bezopasnosti [The discourse of historical policy in the context of national security]. Diskurs-Pi [Discourse-P]. 2013, I. 1-2 (11-12), pp. 187–190. (In Russian).
 8. Selezneva A.V., Khugaev Z.T. Tsennostnye osnovaniya politicheskoy identichnosti v regional'nom, natsional'nom i tsivilizatsionnom izmereniyakh: kontseptual'noe osmyslenie i rossiyskiy kontekst [Value foundations of political identity in regional, national and civilizational dimensions: conceptual understanding and the russian context]. Sotsium i vlast' [Society and Power]. 2024, I. 4 (102) pp. 80–91. DOI: <https://doi.org/10.22394/1996-0522-2024-4-80-91>. (In Russian).
 9. Semenenko I.S., Lapkin V.V., Bardin A.L., Pantin V.I. Mezhdugosudarstvom i natsiyey: dilemmy politiki identichnosti na postsovet'skom prostranstve [Between the state and the nation: dilemmas of identity policy in post-soviet societies]. Polis. Politicheskie issledovaniya [Polis. Political Studies]. 2017, I.5, pp. 54–78. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.05.05>. (In Russian).
 10. Fadeeva L.A. Sek'yuritizatsiya politiki pamyati i identichnosti v arsenale politikov i analitikov [Securitization of memory and identity politics in the arsenal of politicians and analysts]. Izvestiya AltGU [Izvestiya of Altai State University]. 2020, I. 6 (116), pp. 73–76. DOI: [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2020\)6-12](https://doi.org/10.14258/izvasu(2020)6-12). (In Russian).
 11. Tsvetkova O.V. Regional'naya identichnost' kak faktor formirovaniya kul'turno-istoricheskoy i sotsial'no-territorial'noy obshchnosti [Regional identity as a factor in the formation of cultural-historical and socio-territorial community]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya [Bulletin of Tomsk State University. History]. 2021, I. 74, pp. 170–175. DOI: <https://doi.org/10.17223/19988613/74/21>. (In Russian).
 12. Kabir N.A. Identity politics in India: Gujarat and Delhi riots. Journal of Muslim Minority Affairs. 2020, I. 40(3), pp. 395–409. DOI: <https://doi.org/10.1080/13602004.2020.1813990>.